

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

C14

Krystal Sutherland
OUR CHEMICAL HEARTS

This edition is published by arrangement with
InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

Сазерленд, Кристал.

C14 Наши химические сердца / Кристал Сазерленд;
[пер. с англ. Ю. Змеевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-17-133764-3

Старшеклассник Генри Пейдж – безнадежный романтик, который еще ни разу не влюблялся. И новенькая Грейс Таун – далеко не девушка его мечты: с тростью, в растянутой мужской одежде и с немытыми волосами. Но когда им приходится вместе работать над школьной газетой, Генри неожиданно для себя осознает, как сильно его тянет к Грейс...

С каждым днем ее загадочность и скрытность все больше завораживают Генри, и он чувствует, что влюбляется. Почему Грейс так странно себя ведет? Что она скрывает? И самое главное – почему она так глубоко несчастна? Генри хочет не только найти ответы на эти вопросы, но и помочь Грейс справиться с окутавшей ее печалью.

В главных ролях в экранизации – Лили Рейнхарт («Ривердейл») и Остин Абрамс («Бумажные города»)!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Coe)-44

ISBN 978-5-17-133764-3

© Krystal Sutherland, 2016

© Ю. Змеева, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Моей семье за все и навсегда

МНЕ ВСЕГДА КАЗАЛОСЬ, что момент, когда встречаешь любовь всей жизни, должен быть как в кино. Не совсем, конечно, без замедленного действия, развевающихся на ветру волос и надрывной оркестровой музыки. Но чего-то такого я ждал, понимаете? Что сердце остановится на секунду. Душа замрет, и внутренний голос прошепчет: «О черт. Кажется, это она. Наконец, спустя все эти годы, я встретил ее».

Однако когда во второй вторник последнего года обучения Грейс Таун с десятиминутным опозданием вошла в театральную студию миссис Биди, я ничего такого не почувствовал. Грейс была из тех, кто одним своим появлением сразу производит впечатление на всех в любом помещении, куда бы она ни зашла, но не потому, что ее вид заставляет каждого мгновенно и бесповоротно в нее влюбиться, а по причинам совсем другого рода. Роста она была среднего, сложения тоже среднего и выглядела обычно — короче, с такой внешностью она легко бы вписалась в школьную жизнь без

драматических осложнений, которые обычно ждут новичков в новой школе.

Но были три вещи, которые сразу бросались в глаза, не оставляя Грейс ни одного шанса спрятаться за своей обыкновенностью:

1. Она с головы до ног была одета во все мужское. Не в девчачьи шмотки под мальчика, не как девчонка-скейтер, не как девчонка-сорванец, а именно в *мужскую* одежду на несколько размеров больше. Джинсы, которые на более рослом парне сидели бы в обтяжку, не падали с нее только благодаря ремню. Хотя стояла только середина сентября, на ней были свитер, клетчатая рубашка и вязаная шапка. На шее висел длинный кожаный шнурок с подвеской-якорем.

2. Вид у нее был нездоровый и немытый. Серьезно, я видел наркош, которые выглядели лучше, чем она тем утром. (На самом деле вживую я видел не так уж много наркош, но смотрел «Прослушку» и «Во все тяжкие», а это тоже считается.) Непричесанные светлые волосы, дурацкая стрижка, как будто она сама себя подстригла, землистый цвет лица. Уверен, если бы я ее тогда понюхал, от нее бы воняло будь здоров как.

3. Все перечисленное и так уже подпортило ей шансы, но вдобавок Грейс Таун вошла, опираясь на трость.

Вот как это произошло. Такой я увидел ее впервые. Не было ни замедленного действия, ни ветра, ни надрывной музыки, и уж точно мое сердце не остановилось. Она проковыляла в класс, опоздав на десять минут, с таким видом, будто она здесь своя и в нашем

НАШИ ХИМИЧЕСКИЕ СЕРДЦА

классе проучилась всю жизнь. И, может, потому, что она была новенькой, или не такой, как все, или одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять: какая-то частичка ее души сломлена, — миссис Биди ничего ей не сказала. Грейс присела на стул в задних рядах театральной студии с черными стенами, положила трость на колени и до конца урока не произнесла ни слова.

А я посмотрел на нее еще два раза, но под конец вовсе забыл о ее существовании. И когда она незаметно вышла, никто уже не обратил на нее внимания.

Так что, как видите, эта история не о любви с первого взгляда.

Но все же это история любви.

Ну или типа того.

2

ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ выпускного года до внезапного появления Грейс Таун выдалась абсолютно непримечательной (насколько это возможно в нашей школе). На глазах учеников разыгрались всего три небольших скандала: первокурсника отстранили от занятий за курение в женском туалете (неужели нельзя придумать более оригинальный повод заслужить отстранение?); кто-то анонимно загрузил на «Ютьюб» съемку мордобоя на школьной парковке (завучи и директор в штаны наделали); наконец, кто-то распустил слух, что Ченс Озенберг и Билли Коста заразили друг друга венерическим заболеванием, подцепив его от одной и той же девчонки, с которой оба занимались незащищенным сексом (ах как бы мне хотелось, чтобы я это выдумал, дорогие читатели).

Но в моей жизни, как всегда, не приключилось даже маленького скандальчика. Впрочем, какие могут быть скандалы в жизни долговязого семнадцатилетнего чудика, немного похожего на молодого Киану Ривза? То есть меня *могли бы* взять на роль молодого

Ривза в фильм, создатели которого уже потратили весь бюджет на дешевые спецэффекты и кейтеринг. Я не был замешан ни в чем предосудительном, не практиковал даже пассивное курение, и, слава богу, никто еще не предлагал мне снять штаны и тем более заняться сексом без презерватива. Волосы у меня отросли до плеч, и мне нравилось носить папину спортивную куртку из восьмидесятых. Я был одновременно похож на Саммер Глау, если бы та была парнем, и Северуса Снейпа. Представьте последнего без крючковатого носа, но с ямочками на щеках — и вот он, Генри Айзек Пейдж, собственной персоной.

В то время меня не интересовали девчонки (для справки: и парни — тоже). Друзья уже лет пять как переживали череду драматических встреч и расставаний, а я даже толком ни разу не влюбился. Нет, вру, в детском саду была Эбигейл Тернер, которую я поцеловал в щеку, когда она меньше всего этого ожидала, и с тех пор наши отношения резко ухудшились. А в младших классах я мечтал жениться на Софи Чжоу в течение трех лет. Но стоило вступить в пубертат, и во мне словно что-то переключилось: в отличие от большинства ребят из школы, я почему-то не превратился в движимое тестостероном секс-чудище. Пока еще никто не вызывал у меня *те самые* чувства, если понимаете, о чем я.

В общем, я рад был заниматься только уроками и старался получать отметки, которые обеспечили бы мне поступление в полуприличный колледж. Наверное, поэтому я и не вспоминал о Грейс Таун несколько дней после встречи. А может, никогда бы и не вспомнил, если бы не наш учитель английского мистер Алистер Хинк.

Я знал о мистере Хинке все, что обычно знают старшеклассники о своих учителях. Он страдал запущенной перхотью, которая была бы гораздо меньше заметна, если бы он каждый день не носил черные водолазки. Черный цвет оттенял мелкую белую пыль на его плечах, как асфальт — падающие снежинки. Судя по отсутствию кольца на левой руке, он не был женат. Это во многом объясняло перхоть и тот факт, что он был фактически точной копией Кипа, брата Наполеона Динамита из одноименного фильма¹.

Хинк также страстно любил свой предмет, до такой степени, что однажды, когда учитель математики мистер Бэбкок задержал нас на пять минут, тем самым отняв время от урока английского, Хинк вызвал его и прочел лекцию о том, почему математика не важнее гуманитарных предметов. Ученики тайком над ним угорали: и правда, зачем им английский, ведь большинство ждала карьера в инженерии, точных науках или «Макдоналдсе». Но, оглядываясь на то время сейчас, я точно помню и тот день в душном классе, и тот урок, когда я загорелся идеей стать писателем.

У меня всегда хорошо получалось писать и соединять слова в предложения. Кто-то рождается с музыкальным слухом, кто-то — с талантом к рисованию, а кто-то — вроде меня — появляется на свет со встроенным радаром, который сообщает, где нужно поставить запятую. В мире супергероев грамматическая интуиция — не самая крутая способность, но именно она

---

¹«Наполеон Динамит» — культовый низкобюджетный независимый фильм 2004 года про школьного изгоя. Его брат Кип — типичный ботаник с дурацкими усами и в очках, который все время проводит в Интернете.

НАШИ ХИМИЧЕСКИЕ СЕРДЦА

подружила меня с мистером Хинком. Так уж совпало, что он заведовал студенческой газетой, где я добровольно трудился с восьмого класса, надеясь однажды стать ее редактором.

На второй неделе, в середине урока театрального мастерства, у миссис Биди зазвонил телефон.

— Генри, Грейс, после занятий мистер Хинк просит зайти к нему в кабинет, — сообщила Биди после краткого телефонного разговора. (Биди и Хинк дружили, сколько я себя помню. Две родственных души, родившихся на век позже, чем следовало. В наше время тех, кто считает искусство величайшим достижением человечества, принято называть чудиками.)

Я кивнул и нарочно не стал смотреть на Грейс, хотя краем глаза заметил, что та пялится на меня с заднего ряда.

Когда старшеклассников вызывают в кабинет учителя после занятий, обычно предполагается, что случилось что-то плохое, но, как я уже говорил, я никогда не был замешан ни в чем предосудительном (увы). На самом деле я знал, зачем Хинк меня вызвал. То есть надеялся, что знал. Грейс же пришла в Вестланд-Хай всего два дня назад и вряд ли успела бы за это время заразить других учеников трихомонадами или начистить кому-нибудь репу после уроков (хотя у нее была трость, и выглядела она сурово).

Так что для меня оставалось загадкой, зачем мистер Хинк вызвал Грейс. Впрочем, все в этой девушке было загадкой.

3

КОГДА Я ПОДОШЕЛ К КАБИНЕТУ мистера Хинка, Грейс уже ждала снаружи. Она опять была одета во все мужское, правда, шмотки были другие и выглядела она чище и здоровее. Она вымыла голову и причесалась. Это совершенно изменило ее облик, хотя чистые волосы усиливали впечатление, что она сама подстриглась ржавыми садовыми ножницами: они падали на плечи широкими неровными прядями.

Я сел рядом с ней на скамейку и вдруг почувствовал себя жутко неуклюжим. Я забыл, как обычно это делаю, и мне пришлось складывать руки и ноги, как будто я уселся на скамейку первый раз. Принять нормальную позу никак не получалось: пришлось неудобно скрючиться, отчего у меня заболела шея, но шевелиться я не хотел, так как видел краем глаза, что она смотрит на меня.

Грейс сидела, подтянув колени к груди и зажав между ними трость. Она читала книгу с потрепанными страницами цвета пятен на зубах заядлого любителя кофе. Обложку я не видел, но в книге были стихи. Она заме-

тила, что я подглядываю через плечо, но вместо того, чтобы закрыть книгу или отодвинуться, слегка развернула ее ко мне, чтобы я тоже мог читать.

Стихотворение, которое читала Грейс, написал какой-то Пабло Неруда — я о нем никогда не слышал. По-видимому, она читала его не в первый и не во второй раз, так как углы страницы были загнуты, а сам лист — в масляных пятнах и вообще не первой свежести. Стихотворение называлось «Я не люблю тебя», и это меня заинтриговало. Я начал читать, хотя Хинку прежде не удавалось заинтересовать меня поэзией.

Две строчки были выделены маркером.

*Я так тебя люблю, как любят только тьму —
Втайне, меж тенью и душою.*

Тут из кабинета вышел Хинк, и не успел я дочитать, как Грейс захлопнула книгу.

— О, отлично, вижу, вы уже познакомились, — сказал Хинк, увидев нас вместе.

Я быстро встал: оставаться в неудобной позе, в которую я вынужденно себя посадил, больше не представлялось возможным. Грейс сдвинулась на край скамейки и медленно поднялась, распределяя вес между тростью и здоровой ногой. Тут мне впервые стало любопытно, что же с ней случилось. Давно у нее такая нога? Она такая родилась или виной трагическое происшествие в детстве?

— Заходите.

Кабинет Хинка находился в конце коридора, который на исходе восьмидесятых, наверное, считался суперсовременным и стильным. Бледно-розовые стены,

флуоресцентные лампы, жалкие искусственные растения в горшках, ни капли не похожие на настоящие, и этот странный линолеум, который, по задумке создателей, должен был быть похож на гранит, но выглядел как пластиковые крошки вперемешку с прозрачным ламинатом. Я шел за Хинком, шагая медленнее обычного, потому что хотел, чтобы Грейс шла рядом. Не потому, что хотел, чтобы она шла *рядом со мной*, ну, вы понимаете, а просто мне казалось, что ей будет приятно и с моей стороны это вежливо — идти с ней в одном темпе, чтобы она успевала. Но хотя я еле тащился, она все равно отставала и ковыляла в двух шагах позади. В конце концов это стало похоже на гонку, только наоборот: кто медленнее. Хинк обогнал нас уже шагов на десять, и тогда я ускорился и оставил ее позади. Наверное, она подумала, что я реальный чудик.

Мы дошли до кабинета Хинка (он был тесный, унылый, залитый каким-то зеленоватым светом и вгонял в такой депресняк, что я бы не удивился, узнав, что по выходным мистер Хинк ходит в бойцовский клуб). Хинк пригласил нас войти и сесть на два стула у его стола. Мы сели, и я нахмурился, так как все еще не понимал, зачем Хинк позвал Грейс.

— Я позвал вас, как вы, наверное, догадываетесь, потому что вы оба очень хорошо пишете. Пришло время выбирать главных редакторов школьной газеты, и я не могу придумать лучших кан...

— Нет, — отрезала Грейс, и ее голос так поразил меня, что лишь в тот момент до меня дошло, что она заговорила при мне впервые. Он был сильным, чистым, глубоким и никак не вязался с ее хрупкой внешностью тихони.

— Что? — Хинк явно удивился.

— Нет, — повторила Грейс, как будто других объяснений не требовалось.

— Я... я не понимаю, — произнес Хинк и умоляюще взглянул на меня. Я почти слышал его безмолвный крик о помощи, но мог лишь пожать плечами.

— Я не хочу быть редактором. Спасибо, что вспомнили обо мне, правда. Но нет. — Грейс взяла с пола сумку и встала.

— Мисс Таун, Грейс. Мартин специально подошел ко мне перед началом учебного года и попросил взглянуть на твои работы из бывшей школы. Я так понимаю, в этом году ты должна была стать главным редактором школьной газеты Ист-Ривер, если бы не перевелась к нам. Так?

— Я больше не пишу.

— Очень жаль. Ты прекрасно пишешь. У тебя литературный талант от Бога.

— А у вас талант к клише. От Бога.

Хинк так обалдел, что раскрыл рот. Грейс смягчилась.

— Простите. Но моя писанина — это просто слова. Они ничего не значат.

Тут она взглянула на меня, как мне показалось, неодобрительно. Я этого не ждал и не понял, к чему это она. Она набросила на плечи рюкзак и заковыляла к выходу. Мы с Хинком остались сидеть в тишине, пытаюсь понять, что произошло. Секунд через десять до меня дошло, что я зол на нее, и, осознав это, я тоже схватил сумку, быстро встал и пошел к выходу.

— Давайте завтра обсудим, — бросил я Хинку.

Тот, верно, догадался, что я пошел за ней.

— Да-да, конечно. Заходи перед уроками.

Хинк выпроводил меня, и я побежал по коридору. К моему удивлению, Грейс там не оказалось. Когда я открыл последнюю дверь и вышел на улицу, она была уже у забора. Значит, может быстро ходить, когда надо. Я бросился за ней и, оказавшись в пределах слышимости, крикнул:

— Эй!

Она быстро повернулась, смерила меня взглядом, скорчила сердитую мину и пошла дальше.

— Эй. — Я наконец догнал ее и пошел рядом, пытаясь отдышаться.

— Что тебе? — бросила она, по-прежнему не замедляя шаг.

Ее трость гулко стучала о дорогу. Позади засигналил автомобиль. Грейс красноречиво потрясла тростью и сделала знак, чтобы водитель развернулся. Никогда раньше я не видел, чтобы кто-то разворачивался и уезжал *поджав хвост*, но именно это и произошло.

— Ну... — начал я, но не смог подобрать слова. (Пишу я хорошо, но говорить вслух, произносить звуки, шевелить губами — нет. Это не мое.)

— Что ну?

— Ну... больше я пока ничего не придумал.

— Кажется, ты злишься.

— Злюсь.

— С чего бы?

— С того, что люди годами в лепешку расшибаются, чтобы занять место редактора, а ты приходишь в начале выпускного класса, получаешь его на тарелочке и отказываешься.

— Ты расшибался?